

Г. Скребицкий
**СИНИЦА
и
СОЛОВЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА • 1980

На самом краю деревни находился глубокий овраг. Он весь зарос деревьями и кустами, а внизу, на дне его, бежал ручеёк.

Здесь даже в жаркие летние дни было свежо и прохладно; так и тянуло прилечь на мягкий, пушистый мох и слушать неторопливо журчащую песню воды.

В зелёных зарослях по склонам оврага ютилось множество птиц. Они вили там свои гнёзда и выводили птенцов.

Привольно жилось малышам среди густых ветвей: было где полетать, попрыгать, поискать разных жучков, червячков...

И молодая синичка, которая только в этом году вывелась из яйца, чувствовала себя там превосходно.

Эта синичка уже не была желторотым птенцом. Она считала себя совсем взрослой птицей. Как и другие синицы, она оделась в нарядные пёрышки: головка у неё была в чёрной шапочке, на шее длинный чёрный галстук, грудка жёлтая, а спинка тёмная с зеленоватым отливом.

Молодая синичка уже научилась хорошо летать и самостоятельно добывать себе пищу. Ей было даже смешно вспомнить о том, как она вместе со своими братьями и сёстрами сидела в гнезде и широко разевала рот, прося, чтобы мать сунула ей червячка или мушку. Теперь синичка сама, без всякой помощи, отлично находила корм. С утра до ночи перепархивала она с ветки на ветку, тщательно осматривая своим зорким чёрным глазом каждую древесную щёлку, каждую трещину. Ни один жучок, ни одна личинка не могли от неё укрыться. Заметив их, синичка засовывала в щель тонкий, как шильце, клювик и вытаскивала добычу.

И вот однажды, прыгая по суку, синичка увидела на земле, под деревом, какую-то другую, очень скромно одетую, буроватую птицу. Она копошилась среди прошлогодних опавших листьев, приподнимала их своим клювом и что-то искала под ними.

—Зачем ты копаешься в гнилой листве?—крикнула ей с дерева синица.

—Как зачем?—удивилась птичка.—Я ищу червячков.

—Тогда взлетай поскорее ко мне на дерево,—пригласила её синичка.—Здесь их тоже достаточно.

—Нет, мне удобнее ловить червячков на земле, под листьями,—ответила незнакомка и вновь начала копать в листве.

«Да, может, она ещё и летать не умеет?»—подумала синица, глядя вниз под кусты, где копошилась невзрачная птичка.

Наконец синица наелась и слетела на землю. Незнакомка тоже закончила свою охоту, и обе птички разговорились.

—Давай взлетим на сучок,—предложила синица.

—Ну что же, давай.

И они, ловко вспорхнув с земли, уселись на дерево.

—Только сядем под ветки, в тень,—попросила незнакомка.—Я не очень люблю яркое солнце, мне больше нравятся полумрак и прохлада.

—Вот как?—удивилась синичка. А про себя подумала: «Наверное, она стесняется, что так ненарядно одета, не хочет другим птицам на глаза показываться».

—А как тебя звать?—спросила она.

— Меня зовут соловей. Я родился тут в гнезде, под кустами. Нас было пять птенцов. Мы уже подросли и покрылись пёрышками. Всё было хорошо, а потом случилось большое несчастье: нас разыскал хорёк. Этот злодей переловил и съел всех моих братьев и сестёр. Я уцелел просто случайно: хорёк не заметил меня.

Синичка даже крылышками всплеснула, услышав такой печальный рассказ.

— Да разве можно вить гнездо на земле? — изумилась она. — Моя мать устроила гнездо в дупле старой липы и нас, детей, учила вить гнёзда в дуплах деревьев или в домиках, которые развешивают люди нарочно для нас, синиц, и для других птичек.

— А моя мать учила вить гнездо на земле, под куста-

ми, только хорошенько прятать его среди опавшей листвы.

— Вот потому, что вы вывелись на земле, с вами и случилось такое несчастье, — наставительно сказала синичка.

— Совсем не поэтому, — отвечал соловей. — На днях я познакомился с дятлом. Он рассказал мне, что сам выдолбил дупло в старой осине, устроил в нём гнездо. И что же из этого вышло? Когда в гнезде уже были яйца, в дупло забралась белка и все их съела. Значит, дело не в том, где устроить гнездо, а в том, сумеешь ли ты его спрятать от глаз врага. Если сумел — всё хорошо, а не сумел — пеняй на себя.

На это синичка не знала, что ответить. Может быть, соловей был и прав. А кроме того, не хотелось спорить. Ей было очень жаль такую невзрачную и одинокую птичку.

С тех пор синица и соловей крепко сдружились. Они делились каждый день, хотя искали добычу врозь — синичка на дереве, а соловей на земле. Но зато после охоты они садились в тень на сучок и долго беседовали.

По характеру друзья мало походили один на другого. Синичка была непоседа, весёлая, говорунья, а соловей — какой-то тихий, робкий, задумчивый.

Синичка за свою короткую жизнь успела уже осмотреть не только родной овраг, но побывать и в соседней деревне. Там она залетела в сад, обшарила все яблони, груши, очищая их от жучков и личинок. Она перезнакомилась с разными птицами — галками, воробьями. Те жили не в лесу, а прямо в деревне, возле домов, и приглашали весёлую синичку прилетать к ним почаще в гости.

Синичка всей душой полюбила свои родные края: заросший овраг, сад в соседней деревне, даже саму деревню.

— На свете нет ничего красивее и лучше наших родных мест, — уверяла она соловья.

Но соловей не соглашался с этим. В душе он был

мечтатель и фантазёр. Он не вылетал ещё никуда из густых кустов своего оврага, однако он хорошо помнил рассказы матери о далёких заморских странах, куда улетают на зиму все соловьи. Мать рассказывала, что там растут чудесные вечнозелёные кусты и деревья, а под ними в густой тени зиму и лето журчит вода, и во влажном сумраке на земле кишит множество разных жучков и других насекомых.

Соловей рассказывал об этих странах синичке.

—Глупые птицы,—говорил он,—зачем же они весной летят назад, когда там, на юге, и зимой и летом так хорошо. Вот придёт осень, я улечу за море—далеко-далеко—и уже боль-

ше никогда сюда не вернусь. Полетим вместе,—предлагал он синичке.

Но та отрицательно качала головой.

—Зачем мне лететь куда-то за море, когда мне и здесь неплохо,—отвечала она.—Не верю я всем этим рассказам. А ты лучше погляди кругом: что может быть красивее наших берёзок! Вон сколько их столпилось на косогоре. Они опустили вниз зелёные ветви, машут нам, зовут нас туда, на солнышко, на пригорок. Никуда я не полечу отсюда,—реши-тельно добавляла синичка. И друзья расставались немножко недовольные друг другом.

Но это не мешало им встретиться наутро и снова вести

дружескую беседу. Так приятели и не заметили, как промелькнуло лето.

Пришла пора соловью улетать в тёплые страны.

На тех самых берёзах, что росли на пригорке, уже начала вянуть листва. Подует, бывало, ветер, и полетят вдаль жёлтые листья, кружатся в воздухе, поплёскивают на солнце, будто рой золотистых бабочек.

Грустно было синичке оставаться одной, но ничего не сделаешь. Правда, с её весёлым нравом она грустила совсем недолго. Да и где там долго грустить, когда кругом, что ни день, то происходит что-нибудь новое.

Теперь не только берёзы, а и другие деревья и даже кусты разделились в разноцветный убор. Лес по склонам оврага стал очень красивый, весь огненно-красный и золотой.

Осенние дни были яркие, без единого облачка. Но солнце почему-то почти не грело. К вечеру же становилось совсем прохладно. Синичка спешила забраться куда-нибудь в укромное место, где её не продувало бы ветром. Она засыпала чутким сном, а когда просыпалась поутру, трава и ветви деревьев были покрыты белым колючим инеем.

С каждым днём делалось всё труднее добывать еду. Паучки, жучки и личинки попрятались от холода, забрались в глубокие щели. Нелегко их было там разыскать и ещё мудрёнее оттуда вытащить.

* * *

Наконец пришла зима. Небо затянули тучи, и повалил снег. К утру он укрыл всю землю, кусты и деревья.

Испугалась синичка: «Где же теперь еду добывать?»

Но тут она вспомнила, как воробьи приглашали её в гости, взмахнула крылышками и полетела в деревню.

Воробьи сразу её узнали: обрадовались, зачирикали, позвали с собой на задворки, туда, где люди мусор выкидывают. Среди этого мусора было много разной еды: крошки хлеба, кусочки каши, даже косточки с остатками мяса.

Синичка наелась и решила, пока стоят холода, остаться в деревне, вместе с воробьями.

Но зима в этом году выдалась очень холодная, снежная. Птицам даже в деревне искать корм становилось всё труднее. Корочки хлеба и все кусочки, которые люди выбрасывали на задворки, мигом расхватывали более сильные птицы—вороны и галки, а синичке почти ничего не оставалось.

День ото дня она становилась всё слабее. Птичка уже не скакала с ветки на ветку, а чаще всего сидела, вся распушившись, как шарик.

«Жаль, что я не послушалась соловья и не улетела вместе с ним в заморские страны,—думала синица.—Там и теперь тепло, зеленеет трава и много разных жучков. А здесь только холод да снег. Скоро я совсем ослабею и замёрзну».

Так же печально раздумывала она и в это ледяное зимнее утро. Мороз был особенно крепок. Все деревья будто оцепенели. Они стояли белые, одетые в густой иней. В воздухе висела сизая, морозная мгла.

Синичка не ела уже третьи сутки. Она так изголодалась и так продрогла, что еле-еле держалась на ветке. На неё напала какая-то сонливость, даже не хотелось искать еду.

И вдруг она услышала под деревом голоса ребятишек: —Смотрите, синичка сидит. Наверное, совсем замёрзла. Давайте покормим её,—говорили дети, указывая на птичку.

Их слов синица, конечно, не поняла. Но зато она очень обрадовалась, когда один мальчуган принёс из дома кусочек хлеба, раскрошил и разбросал крошки под деревом.

Птичка была так голодна, что даже не дождалась, покайдут ребятишки. Она тут же слетела на снег и начала есть.

С этого дня дети каждое утро, перед тем как идти в школу, кормили синичку. В садике, возле дома, они даже устроили специальную птичью кормушку: приделали в развилке сучков широкий деревянный ящичек и сыпали туда крошки хлеба, остатки каши, зёрнышки конопли, пшена.

В этой „столовой” кормилась не только синичка. Туда же прилетали воробьи и овсянки. Нередко заглядывали суетливые щеглы и степенные красногрудые снегири. Всем вдоволь хватало корма.

С тех пор синичка повеселела и уже не горевала о том, что не послушалась соловья, осталась зимовать в родных

краях. Теперь, когда птичка была сыта, никакой мороз её не пугал.

* * *

Но не всё же время свирепствовать морозам и вьюгам. Пришла, наконец, и весна. Да такая дружная, весёлая!

Синичка первая отметила её приход. Прыгая с ветки на ветку и греясь на солнышке, она громко защибетала весёлую песенку. «Чи-чи-ку, чи-чи-ку»,—распевала она, будто выстукивала по сучкам звонким серебряным молоточком.

А с соседней вершины дерева ей вторила длиннохвостая овсянка. Она запрокидывала вверх головку и, словно торопясь, выговаривала: «Зинь-зинь-зинь». А потом тянула длинную звонкую трель: «Зи-и-и-и-и-и...»

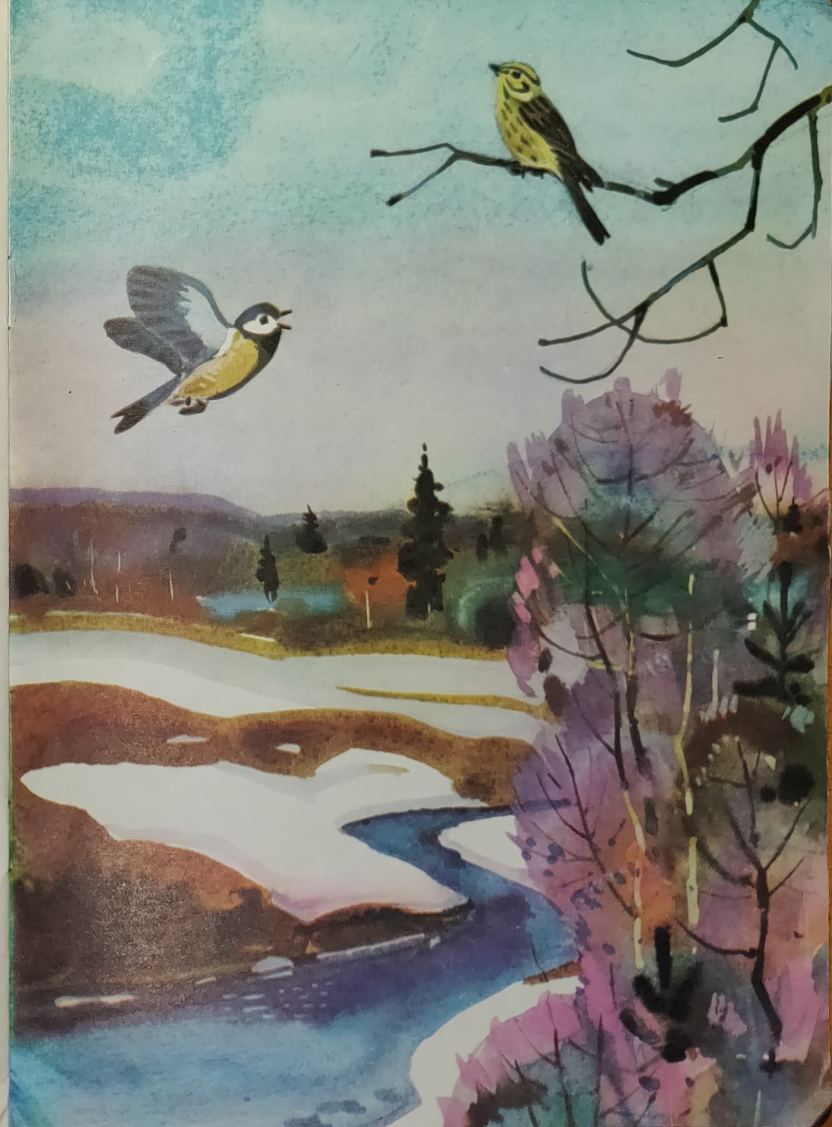
Даже старый хлопотун-дятел решил поприветствовать весну. Он забрался на обломанный ствол сухого дерева и начал быстро колотить по нему клювом, выбивая барабанную дробь: «Т-рррррррррр, т-рррррр...»

Так все птицы, которые зимовали в родных краях, каждая по-своему, но одинаково радостно, встречали весну.

И для синички настало счастливое время. С утра уже пригревало солнце, из древесных щёлок начали выползать жучки, паучки... Вот когда можно было вволю охотиться, только лови—не ленись. И синичка не ленилась. Целый день она летала по саду, по лесу, без счёта поедая разных жучков и личинок.

—Молодчина синичка,—говорили ребята,—вон как старается, всех вредителей в саду поклёёт. Это она нас отблагодарить хочет за то, что мы её зимой кормили.

Но синичка хлопотала совсем не для ребят. Она просто охотилась, даже не подозревая, что приносит этим пользу лесу и саду.

* * *

Уже давно растаял снег, зазеленела трава, на кустах и деревьях развернулись листочки. Синица опять переселилась в лесной овраг. Как чудесно было в нём в эту раннюю весеннюю пору. Всюду журчала вода, и, будто синие осколки стекла, блестели на солнце большие лужи. Возле них уже расцвели первые цветы—подснежники и медуница.

Теперь синице жилось очень хорошо. Ей даже не верилось, что ещё недавно весь лес был сплошь завален снегом. Об одном только жалела птичка, что нет её старого друга—соловья.

Синица вспоминала о нём особенно часто по вечерам, когда заходило солнце, затихал лес и она сама, усевшись поуютнее, отдыхала на ветке после дневных хлопот.

И вот в один из таких тёплых весенних вечеров, когда в воздухе крепко запахло берёзовой горечью и вокруг зелёных ветвей загудели и закружились майские жуки, вдруг из кустов над ручьём послышалась песня. Её запел невидимый в темноте крылатый певец. Его чудесный могучий голос разнёсся далеко кругом по заснувшим лесным отрогам.

Синичка вздрогнула и радостно насторожилась. Она сразу узнала по голосу своего друга—соловья.

А пел он о том, как хороши заморские страны, какие там зелёные рощи, как ярко светит солнце и круглый год под сенью деревьев журчит вода. Он пел о чудесных заморских птицах, о невиданных по красоте цветах, о той далёкой южной стране, откуда он прилетел. А ещё соловей пел о том, как он тосковал там, вдали, без друзей, тосковал по своей родине, по лесному оврагу, где он родился и вырос, по косягору с берёзками, по ласковому, нежгучему солнцу. Он пел о том, что нет ничего на свете милее родины, и о безмерном счастье того, кто после долгих скитаний может снова вернуться к себе домой, на родную землю.

Эту песню о родине, о счастье вернувшегося домой скитальца слушали птицы и лесные зверюшки, слушал по-ночному притихший лес.

Но особенно радостно слушала эту песню синичка. Слушала и была счастлива оттого, что теперь они с соловьём вновь будут вместе.

Для дошкольного возраста
 Георгий Алексеевич Скребцкий
 СИНИЦА И СОЛОВЕЙ
 Художник В. Федотов

Редактор Л. Арзакян. Художественный редактор Д. Пелькина. Технический редактор Н. Житенёва. Корректор Н. Шадрина.
 Сдано в набор 17.01.79. Подписано в печать 24.04.80. 60х90/8. Бум. офс. № 1. Гарн. журнальн. печать офсетн. Усл. печ. л. 2,5.
 Уч.-изд. л. 1,79. Тираж 300 000 экз. 1-й завод: 1-50 000. Изд. № 1023. Заказ № 732. Цена 15 коп. По оригиналам издательства «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Полиграфическая фабрика «Малыш» Ростлавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 75.

70801-218 без обьема.
 М102(03)-80

© Издательство «Малыш»-1980